

Поэзия и проза Болдина

«1830 год. 7 сентября — «Бесы».
8 сентября — «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»).
9 сентября — «Гробовщик».
13 сентября — «Сказка о попе и работнике его Балде».
14 сентября — «Станционный смотритель»...

В Доме колхозника райцентра Большое Болдино Горьковской области, где я живу, висит стенгазета: под портретом великого поэта наклеены открытки, фотографии и сделана вот эта надпись четким плакатным шрифтом...

Чудо произошло здесь.

Влюбленный жених, по делам «вступления во владение» ненадолго приехавший в вотчину отцов и дедов и неожиданно запертый в далеком нижегородском имении эпидемией холеры больше чем на три месяца, отгороженный от Москвы целым каскадом карантинных постов, оказался в непривычном одиночестве. «...что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездят верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов», — обещает он П. А. Плетневу, петербургскому профессору и своему издателю. А через месяц сетует невесте: «Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что марю бумагу и злюсь...».

«Ни соседей, ни книг». И он сам создал целый мир и заселил его средневековыми рыцарями и русскими помещиками, попами, испанскими градами, московскими ремесленниками и венскими композиторами, батраками, крестьянами, представителями петербургского высшего света... Это собрание лиц оживает в сознании каждого из нас со словами «болдинская осень».

Да, это произошло здесь, совсем рядом. От гостиницы через дорогу наискосок, по тропинке между прудами — сейчас они подо льдом и снегом — через несколько минут попадаешь к бывшему барскому дому усадьбы. Он совсем невелик, деревянный, с мезонином; справа — мостик через пруд, дальше бревенчатое здание вотчинной конторы. Еще два пруда, сад чуть больше десяти гектаров. Чтобы обойти все хозяйство, хватило получаса. Сегодня мороз за тридцать, все занесено. Конечно, никаких туристов, тихо, только скрип саней, в которые запряжены мохнатый конь Буян, собственность Музея-заповедника А. С. Пушкина... И как-то плохо согласуется с этим безмятежным покоем засевшее в голове слово «проблема».

ПУТЕШЕСТВИЕ в пушкинское Болдино для меня началось в Москве; началось с чтения постановления Совета Министров РСФСР от 1 июля 1981 года «О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству музея-заповедника А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области» и последовавшего 31 июля 1981 года одноименного приказа по Министерству культуры РСФСР.

Ими планировалось обеспечить восстановление и реставрацию заповедника и назначались для этого сроки — 1982 — 1990 годы. Согласно приказу, в 1981 — 1982 годах должен быть разработан генеральный план развития музея; Госплану РСФСР поручалось предусмотреть на 1982 год выделение машин, механизмов и оборудования Министерству культуры РСФСР для Горьковской специальной научно-производственной мастерской; для целей благоустройства ассигновали 100 тысяч рублей ежегодно. В 1982 — 1985 годах Главнечерноземводстрой намечал работы по очистке болдинских прудов. Худфонд РСФСР принял на себя обязательства по монументально-художественному оформлению объектов и экспозиций музея-заповедника. Центральный совет по туризму и экскурсиям — обязательство построить в Арзамасе туристский комплекс на 300 мест. Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры обязалось принять долевое участие в расходах на музейные нужды. Минсельхоз РСФСР, Минлесхоз РСФСР, Госкомиздат РСФСР — все эти ведомства, каждое, согласно своему профилю, вызвалось способствовать благоустройству заповедника.

Думаю, даже такой краткий пересказ вполне дает возможность составить представление о деловом, конкретном характере принятых документов.

Каким станет заповедник после воплощения их в жизнь?

Представить это можно, побывав в московском институте «Спецпроектреставрация» Министерства культуры РСФСР, где готовятся проект генерального плана, схемы развития заповедника и реставрации входящих в него памятников.

Мест, связанных с именем Пушкина на горьковской земле, много. Это и сельцо Кистенево, севернее Болдина, часть которого была выделена в личное владение Александру Сергеевичу, и куда он, естественно, приезжал по делам. Поэт навещал соседей в Апраксине, Черновском... Сохранилась красивая роща «Лучинники»; по преданию, Пушкин часто совершал сюда прогулки верхом. Теперь во время ежегодных «Болдинских чтений» на поляне возле рощи собираются на праздник поэзии тысячи людей.

Все эти объекты намечено восстановить, объединить в единый комплекс, центром которого, конечно, останется Болдино.

Таковы планы.

Планы, надо сказать, не новые — работа над проектом ведется несколько лет и будет полностью закончена только к лету 1986-го. Легко заметить, эти сроки весьма значительно отличаются от указанных в постановлении Совета Министров РСФСР.

А пока...

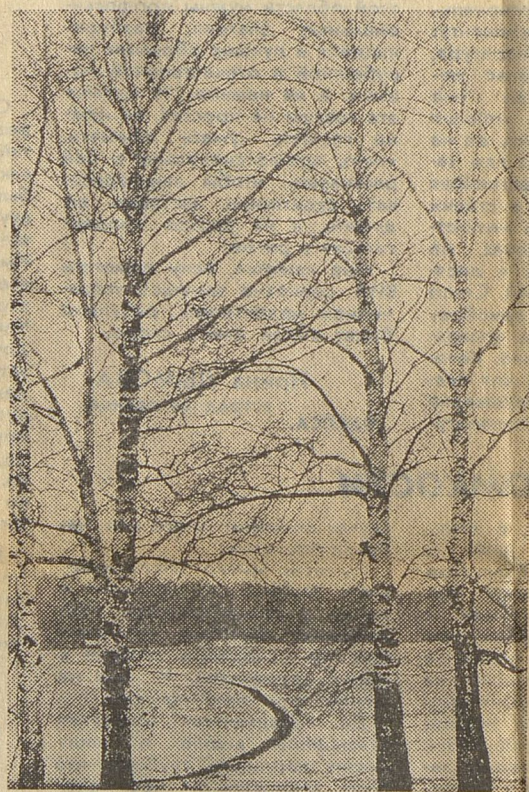
ПЕРВАЯ проблема просто бросается в глаза всякому свежему человеку, и связана она с расположением бывшей барской усадьбы в центре живого современного села. Ничем не напоминает

ухаженный райцентр бывшее «Горюхино». Наверное, хорошо жить людям в двухэтажных кирпичных домах, что выстроились вдоль главной улицы: некогда Базарная, затем Красная, теперь она звучно называется Кооперативной. Здесь много магазинов, возвышается каменная коробка кинотеатра «Лира». Только бы радоваться этим новостройкам, но рядом с ними «теряется» расположенная вдоль этой же улицы бывшая усадьба Пушкиных. Новь старого села заставила забыть не только горюхинскую нищету — вместе с ней исчезает исторический ландшафт вокруг заповедника, до сих пор не защищенного кольцом охранной зоны. Проект охранной зоны лишь недавно разработан, и юридического статуса пока не имеет.

В центральном положении усадьбы есть еще один серьезный минус: именно через нее лежит кратчайший путь с одного конца села на другой. И ходят!.. Невысокая деревянная ограда — не помеха. Охрана заповедного парка толком не налажена, и иные жители Болдина позволяют себе устраивать в нем «пикники».

Ясно, что усадьбу с прудами и парком за пределы села не перенесешь. Стало быть, в другом месте нужно развертывать современное строительство. Идея такого проекта развития села есть, но осуществлять ее необходимо скорее — ведь жизнь идет, и недавно работники торговли настойчиво предлагали провести модернизацию ряда магазинов по улице Кооперативной.

Это, так сказать, «за оградой» заповедника. А внутри?

Бывший барский дом, стены которого помнят Пушкина. Конечно, он в первую очередь привлекает внимание посетителей. И я вошла в дом с любопытством и надеждой; вышла в общем разочарованная. И не только потому, что увидела экспозицию, которая была задумана как временная к 150-летию «Болдинской осени», а служит уже пятый год. Музею не хватает чего-то неуловимого, жилого духа, что ли. Быть может, просто надо затопить печи, вымыть полы... А иначе останется в памяти просто череда холодных комнат.

Проект новой экспозиции создается. Но прежде старому дому необходима реставрация.

Как и церкви Успения, заложенной дедом поэта в конце XVIII века. Сейчас треть ее первоначального здания мертвым обломком возвышается посреди села: нет крыши, колокольни... Подумать только, с этих ступеней в 1830 году Пушкин произнес перед крестьянами речь об опасности холеры.

Еще есть пруды. Они не чистились более ста лет. Здесь, в степи, так небогатой водой, это роскошь; а как хороши пруды летом! Один приезжий писатель даже усомнился публично, надо ли их чистить, лишая этой поэтической зеленой явись?.. А пруды гибнут, мелеют. Ил и грязь давно забили питавшие их ключи, и вода ушла почти на метр. Напомню, что работы по очистке прудов намечалось провести в 1982 — 1985 годах. Так вот пока все на стадии исследований.

Но ведь когда-нибудь — хочется верить, что скоро, — начнутся практические действия. Какими силами? Недавно в Болдине открыт реставрационный участок. Его работники — несколько человек, местные жители, которыми руководит инженер из Горьковской научно-производственной мастерской. Сфера их деятельности — мелочи, вроде починки ограды и мостика через пруд. Участок пока не имеет ни машин, ни механизмов, ни хозяйственного двора со складами — в общем ничего, кроме названия.

Кем же будут воплощаться в жизнь грандиозные планы проектных организаций? И какие сроки понадобятся, чтобы освоить немалые средства, отпущенные государством на реставрацию памятника? Задавая этот вопрос представителям различных учреждений, много ответа, кроме глубокомысленного «да, это проблема...», я не получила.

МУЗЕЙ, его жизнеспособность — это, конечно, люди, которые здесь работают. В Болдине, если ты родился не здесь, работать трудно — не хватает жилья. Многие сотрудники музея в разговорах вспоминали Любовь Михайловну Малыш-

кину-Задоркину. Эту женщину, бывшую главным хранителем фондов заповедника и, судя по словам товарищей, талантливым и самоотверженным музейным работником, только одно заставило уехать: болен ребенок, а квартиры не предвиделось. Заповедник потерял одаренного специалиста, а на сегодняшний день сотрудников с высшим образованием здесь не так уж много, и во многом «виноваты» именно жилищные условия. Приказом Министерства культуры РСФСР предусмотрено строительство жилого дома для работников музея, которое уже началось. Надо полагать, это будет способствовать закреплению кадров.

И, наконец, о тех, без кого бессмысленно существование любого музея, — о посетителях. Вообразить себя туристкой мне было очень просто, от Горького ехала на автобусе. 250-километровая дорога, пусть и на «Икарусе», не показалась легкой, и я рада была возможности отдохнуть в Доме колхозника, чтобы завтра прийти в заповедник со свежей головой. Обычный экскурсант лишен этого. Дом колхозника мал, а гостиницы здесь, конечно, нет. Можно ехать из Арзамаса, все-таки на сто километров ближе, либо с другой стороны, из Саранска. Кстати, именно эти города и «поставляют» наибольшее количество туристов. Но и там отдых в гостинице — проблема.

В постановлении Совета Министров РСФСР говорится о строительстве в Арзамасе туристской базы на 300 мест. Но проект пока им и остается. Кстати, идея «носится в воздухе» много лет. Во всяком случае, листая публикации в периодике по поводу Болдина, я наткнулась на обещание построить гостиницу на 200 мест в статье 1973 года. Так что не удивляет прогноз специалистов относительно количества туристов, которое сможет принимать заповедник: всего 40 — 45 тысяч в год (сейчас 30 — 35 тысяч). Для сравнения: Михайловское за год посещают около восьмисот тысяч человек.

Развитие туризма сдерживает и другая важная причина — дороги. Мечта поэта о том, что «шоссе Россию, там и тут соединяясь, пересекут», остается актуальной для пушкинских мест Горьковской области. Трудно представить их единым комплексом. Вот отреставрировали барский дом во Львовске, всего в семи километрах от Болдина. Но красота крохотной деревеньки и усадьбы мало кому доступна: весной и осенью дорога грязная, зимой заносы. Район строит шоссе несколько лет, готовы два километра, но строительство ведется, что называется, без вдохновения — и других проблем много, и деревня из разряда неперспективных. Поэтому музей стоит заколоченным — зачем размещать в нем экспозицию, для кого?

По сути дела, все, о чем здесь рассказано, — лишь конспективный перечень проблем, стоящих перед заповедником сегодня, спустя почти четыре года после принятия постановления Совета Министров РСФСР. Дело не стоит, движется, но, увы, неторопливо. Как будто не было документа, где ясно названы организации, ответственные за каждый участок работы.

В РАЗГОВОРАХ о судьбе Болдина, нынешнем состоянии музея-заповедника часто всплывало название другой деревни, связанной с именем поэта, — Михайловское. «Нас трудно сравнить не только с Михайловским — мы отстали от него лет на двадцать, — но и с пушкинскими музеями в Калининской области», — говорили сотрудники болдинского заповедника. «Чем отличаются судьбы этих двух деревень? Михайловскому повезло, там начали с того, что установили кольцо охранной зоны», — заметил московский искусствовед. И еще одно соображение пришлось услышать: «Только не надо писать, что из Болдина можно сделать Нью-Васюки. Зачем вообще тратить на него столько сил и средств? Оно нерентабельно. Ведь есть Михайловское, оно берет на себя социальную функцию, те, кто хочет идти «к Пушкину», едут туда...».

Несколько неожиданно было в наше время обнаружить этакого зошенковского управдома, который возмущается тем, что слишком часто Александр Сергеевич место жительства менял, а теперь и тут музей, и там музей... Какое счастье, что крестьяне села Болдино, собравшиеся на сход в апреле 1918 года, думали иначе — и сохранили для нас усадьбу великого поэта.

Пушкин любил Болдино. Оно словно стало для него талисманом, навсегда связалось с той счастливой порой, когда он «писал, как давно уже не писал».

...И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались...

Недаром он еще и еще раз возвращался сюда — не ближний свет! — в надежде «расписать», создать новые произведения и здесь мечтал зажить с семьей. Не пришлось.

Разгадать чудо таланта, понять, как, из чего «растут стихи», увидеть, где впервые явилось то, что, кажется, было всегда... быть может, наивно это стремление, иллюзорна возникающая близость к великому художнику, но она подвигает к настоящей работе души, ты заглядываешь в себя и яснее видишь, чего стоишь.

Цифрами не сосчитать эффект, нужны какие-то другие меры, чтобы понять, почему мы с таким волнением вглядываемся в кусочек обычной нижегородской земли, с не очень-то красивым названием Большое Болдино, и почему так важно, чтобы проза нашей сегодняшней жизни помогала сохранить поэзию этого единственного в мире места.

Е. СЕСЛАВИНА,
наш спец. корр.

БОЛЬШОЕ БОЛДИНО — МОСКВА.

● Болдинский пейзаж.

Фото И. Зотина.